

DOI: 10.25178/nit.2018.2.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТУВИНЦЕВ В ГОРИЗОНТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Юрий В. Попков

Институт философии права Сибирского
отделения Российской академии наук;
Новосибирский государственный технический
университет, Российская Федерация,

Евгений А. Тюгашев

Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет, Российская Федерация

ECONOMIC CULTURE OF THE TUVANS WITHIN THE SCOPE OF THE SOCIOCULTURAL APPROACH

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State Technical University,
Russian Federation,

Evgenii A. Tiugashev

Novosibirsk National Research
State University, Russian Federation

Авторы считают, что применительно к периодам социальных перемен понимание культуры как совокупности норм, определяющих социальное поведение, недостаточно и ограничено. В качестве более адекватной концепции они предлагают интерпретировать культуру как конкретно-исторический вариант существования общества в его качественно определенной специфике. Этому соответствует социокультурный подход, в котором речь идет об ансамбле культур, а «социокультурное»

In this article, the authors argue that for the periods of social turmoil, understanding culture as a set of norms controlling social behavior is limited and insufficient. A more adequate approach would involve interpreting culture as a specific historical version of the society's

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

Тюгашев Евгений Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Тел.: +7 (383) 269-67-42. Эл. адрес: filosof10@yandex.ru

Popkov Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Tiugashev Evgenii Aleksandrovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University. Postal address: 1 Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 269-67-42. E-mail: filosof10@yandex.ru

понимается как социальное в его культурном разнообразии. Экономическая культура в рамках этого подхода трактуется как качественная специфика отдельного хозяйственного организма, формирование которого определяется локальными условиями его месторазвития. Экономическая культура в ее конкретном своеобразии выступает элементом социокультурного разнообразия.

Рассмотрение экономической культуры тувинцев в горизонте социокультурного подхода и сквозь призму разнообразия позволяет выделить несколько важных аспектов изучения данной темы, слабо представленных в существующем научном дискурсе. Так, акцентировано внимание не только на доминантной кочевой, но и субдоминантных хозяйственных культурах, в рамках которых формировались разные навыки, способности и качества. Если кочевой образ жизни способствовал созерцательности и неспешности, то охота требовала динамизма, земледелие и ремесло — кропотливости и тщательности. Обобщенный экскурс в хозяйственную историю тувинцев позволил сделать вывод, что хозяйственное разнообразие не только обеспечивает устойчивость экономической культуры тувинцев, но и выражает ее варибельность, способность развиваться в многообразных модификациях. Данная полиморфность выступает важным ресурсом, позволяющим актуализировать резервные пути этнического развития, не всегда очевидные в условиях доминирования того типа экономической культуры, который определял традиционный облик тувинцев. Задействование этого потенциала может составлять важный резерв на будущее.

Обзор этнографических данных позволяет опровергнуть распространенное мнение о том, что тувинцам не свойственна культура запасов. В то же время важнейшей составляющей их экономической культуры выступают ценности жизнеобеспечивающей экономики. Люди являются не только носителями человеческого капитала, но и «благом длительного пользования». Основной целью жизнеобеспечивающей экономики как базового типа экономической системы является производство и воспроизводство человека как высшего блага. В этом отношении экономическую культуру тувинского народа следует признать успешной, поскольку за последнее столетие численность тувинцев выросла более чем в пять раз и Тува лидирует в России по уровню рождаемости.

Показано, что этноэкономическим механизмом выживания и жизнеобеспечения тувинцев является клановость. Известные издержки клановости искупаются, с одной стороны, достигаемой солидарностью и устойчивым развитием наиболее успешного

существования в ее качественной форме. Это отсылает нас к социокультурному подходу, постулирующему культуру как ансамбль, а социокультурное — как социальное в культурном разнообразии. В этом контексте экономическая культура может быть рассмотрена как набор качественных признаков конкретного экономического субъекта, сформированного локальными условиями развития. Со всеми своими особенностями, экономическая культура является элементом этого социокультурного разнообразия.

Изучение экономической культуры тувинцев сквозь призму социокультурного подхода и этой разновидности разнообразия позволяет выделить несколько важных аспектов этой проблемы, редко затрагиваемых в существующем академическом дискурсе. Следует сделать акцент, например, не только на доминантной кочевой культуре, но и на субдоминантных экономических культурах, которые помогли сформировать ряд навыков и техник. Хотя кочевничество способствовало развитию неторопливой и созерцательной жизни, охота требовала динамизма, а земледелие и ремесла — усердия и тщательности. Краткий обзор экономической истории тувинцев позволил авторам сделать вывод, что экономическое разнообразие обеспечивает стабильность экономической культуры тувинского общества и выражает ее вариативность, способность развиваться в многочисленных модификациях. Эта полиморфность выступает важным ресурсом, помогающим запускать альтернативные пути этнического развития. Эти пути редко являются очевидными в доминирующей культуре, которая формировала традиционный образ жизни тувинского общества. Использование этого альтернативного потенциала может стать важным резервом для будущего развития.

Обзор этнографических данных помогает опровергнуть распространенное мнение, что культура запасов не свойственна тувинцам. В то же время важнейшей составляющей их экономической культуры выступают ценности жизнеобеспечивающей экономики. Люди являются не только носителями человеческого капитала, но и «благом длительного пользования». Основной целью жизнеобеспечивающей экономики как базового типа экономической системы является производство и воспроизводство человека как высшего блага. В этом отношении экономическую культуру тувинского народа следует признать успешной, поскольку за последнее столетие численность тувинцев выросла более чем в пять раз и Тува лидирует в России по уровню рождаемости.

Статья показывает, что клановая структура тувинского общества выступает механизмом выживания и поддержания. Известные издержки клановости искупаются, с одной стороны, достигаемой солидарностью и устойчивым развитием наиболее успешной группы родства в этносоциальном отборе; а с другой — временным

в этносоциальном отборе родоплеменного коллектива, а с другой стороны, временной стабильностью межклановой ситуации в структуре этноса.

Ключевые слова: тувинцы; этнокультура; экономическая культура; этноэкономика; традиция; социокультурный подход; этнокультурное разнообразие

stability the inter-clan balance brings to the structure of the ethnicity at large.

Keywords: Tuvans; ethnoculture; economic culture; ethnoeconomy; tradition; sociocultural approach; ethnocultural diversity

Социокультурный подход и понятие экономической культуры (вместо введения)

Известно, что успешность изучения конкретной научной проблемы во многом определяется выбором адекватных для этого методологических средств. С учетом многолетнего опыта авторов в исследовании разных составляющих этносоциальных и этнокультурных процессов (Попков, Тюгашев, 2012; Попков, 2016: Электр. ресурс), можно констатировать эвристичность социокультурного подхода для анализа обозначенной проблемы экономической культуры тувинцев. Его возможности уже были продемонстрированы нами в исследовании менталитета тувинцев как важного компонента их культуры (Тюгашев, Попков, 2017: Электр. ресурс).

В самом общем виде социокультурный подход предполагает рассмотрение общества как единства культуры и социальности, формируемого в процессе и в результате деятельности активности человека. Такое определение является широкораспространенным, хотя соотношение культурного и социального понимается по-разному.

Наиболее известна трактовка культуры как совокупности норм, определяющих социальное поведение. В рамках данной трактовки экономическая культура характеризуется как система норм, правил и образцов, ценностей и обуждений экономического поведения (Throsby, 2001: 3–4). Определение степени соответствия текущего экономического поведения установленным нормам позволяет оценить «уровень его культурности» и при необходимости скорректировать это поведение.

Такое понимание культуры удовлетворительно в ситуации устоявшейся экономической системы, особенно в рамках стабильно функционирующего традиционного хозяйства. Вместе с тем в процессе экономического развития часто возникает потребность в изменении экономических норм и формировании хозяйственно-поведенческих альтернатив. Эта потребность возникает либо в случае контакта различных экономик, либо в случае модернизации, когда пересмотр норм хозяйствования становится повседневной рутинной. С точки

зрения понимания экономической культуры как совокупности норм трудно объяснить как различие этих норм в разных экономиках, так и основания корректировки самих норм.

Динамику культуры в эпоху перемен более удовлетворительно описывает другая концепция, определяющая культуру как конкретно-исторический вариант существования общества в его качественно определенной специфике. Именно такое общественно-историческое понимание поддерживается ЮНЕСКО (Всеобщая декларация ЮНЕСКО ... , Электр. ресурс). Культура характеризуется ЮНЕСКО как элемент культурного разнообразия человечества. Утверждается, что культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу (или социальной группе) отличительных признаков. Соответственно, в развитой на основе данного определения культуры интерпретации социокультурного подхода общество понимается как ансамбль культур, а социокультурное — как социальное в его культурном разнообразии (Попков, Тюгашев, 2012).

Предпочтительность общественно-исторического понятия культуры определяется тем, что данное понятие объясняет факт разнообразия и специфики отдельных культур адаптивностью конкретного общества к природному и культурно-историческому ландшафту. И эта адаптация осуществляется, прежде всего, в процессе хозяйственной деятельности. Конкретные параметры ландшафта местообитания определяют преобладающий хозяйственно-культурный тип, в том числе специфические для него нормы хозяйственной деятельности.

Таким образом, экономическую культуру предлагается понимать как качественную специфику отдельного хозяйственного организма. Эта специфика определяется локальными условиями его месторазвития. В свою очередь, экономическая культура в ее конкретном своеобразии является элементом социокультурного разнообразия человечества.

Экономическая культура тувинцев через призму разнообразия

В оптике социокультурного подхода экономическая культура тувинцев описывается как этноспецифическая культура — в сопоставлении с хозяйственными культурами других народов. В то же время сама она обладает внутренним этнокультурным разнообразием, обусловленным различиями этнотерриториальных групп тувинцев, проживающих в разных природных и культурно-исторических ландшафтах. Так, С. И. Вайнштейн выделял хозяйственно-культурные типы охотников-оленоводов, охотников-скотоводов и скотоводов (Вайнштейн, 1991: 293). Это разнообразие не только обеспечивало устойчивость экономической культуры тувинцев, но и выражало ее вариабельность, способность развиваться в многообразных модификациях.

Данная полиморфность выступает важным ресурсом, позволяющим актуализировать резервные, запасные пути этнического развития, не всегда очевидные в условиях актуального доминирования того типа экономической культуры, которая определяла традиционный облик тувинцев.

Экономическая культура тувинцев обычно описывается как культура кочевого хозяйства. В ракурсе социокультурного подхода представляется существенным тот исторический факт, что кочевое скотоводство было главным, но не единственным видом хозяйственной деятельности тувинцев. Традиционное тувинское хозяйство было многоотраслевым и в зависимости от конкретных природно-климатических условий включало также присваивающие формы хозяйства (охоту, рыболовство и собирательство), оленеводство, земледелие, домашнее производство и ремесло.

Хотя, как отмечала Е. Д. Прокофьева, многие районы Тувы не знали земледелия, оно было представлено у чаданских земледельцев и каахемских Салчаков, которые обменивались зерном с другими группами тувинцев (Прокофьева, 2011: 165). Значимость земледелия была настолько велика, что в череде календарных народных праздников отмечались особые земледельческие праздники: суг бажы дагыыры (освящение начала реки), буга бажы дагыыры (освящение начала канала) (Кужугет, 2006: 90–93).

Следует обратить внимание, что в средневековой Туве большое развитие получили горное дело, металлургия и кузнечное ремесло. Здесь осваивали железную руду, медь, серебро, золото и олово (Кызласов, 1969: 46). Кроме того, добывали соль, каменный уголь, строительные материалы (камень, алебастр, гипс, глины) (История Тувы, 2001: 168). Но хозяйственные традиции, связанные с данными видами деятельности, со временем могли утрачиваться. Так, к началу XX века в Туве насчитывалось не более 100 кузнецов, хотя в монгольский период создавались целые ремесленно-хлебопашеские поселения и города с большим количеством соответствующих специалистов (там же: 237).

Таким образом, традиционное хозяйство тувинцев имело комплексный характер, что было существенным для его устойчивого функционирования. Например, Л. П. Потапов писал о том, что хозяйственный комплекс тувинцев включал пастбищное табунное скотоводство, охоту на мясного и пушного зверя, мелкое земледелие с небольшими посевами ячменя и проса, сбор и заготовку диких съедобных корней и растений. «Устойчивость комплекса проявлялась и в том, что ведущее значение в нем имело скотоводство в сочетании с охотой, в то время как земледелие носило подсобный характер, — отмечал он. — Соединение этой хозяйственной триады с мелкой домашней промышленностью, обеспечивающей поддержание технической базы комплексного хозяйства и переработку его продукции, делало такое хозяйство жизнеспособным и устойчивым и позволило при помощи коллективных усилий, сочетающихся с индивидуальным трудом, максимально освоить в хозяйственном отношении

разнообразную по ландшафту огромную территорию и обеспечить здесь обитание человека и развитие его культуры» (Потапов, 1969: 82).

Очевидно, что многоотраслевой характер традиционного хозяйства требовал от занятых в этих отраслях тувинцев особых и разнообразных умений и качеств. Если кочевой образ жизни формирует созерцательность и неспешность, то охота требовала динамизма, земледелие и ремесло — кропотливости и тщательности. Различия в трудовой культуре определяли и особенности экономических взаимоотношений. Поэтому наряду с доминантной кочевой культурой тувинцев необходимо выделять сопутствующие ей субдоминантные хозяйственные культуры, которые в определенных исторических условиях могли иметь существенное значение.

Значимость обозначенных хозяйственных традиций, на наш взгляд, не стоит преуменьшать. По крайней мере, следует учитывать их устойчивость и преемственность. Важным в данном отношении представляется заключение А. К. Кужугет, которая подчеркивает, что тувинцы унаследовали от скифов, гуннов, тюрков, монголов сложнейшую технику обработки металлов — литье, ковку, резьбу по золоту, бронзе, железу (Кужугет, 2010: 16). Несомненно, благодаря этому среди тувинцев сохранился и тот тип работника, который способен к монотонному труду, хотя такой труд для тувинцев в целом и в настоящее время малопривлекателен (Балакина, Кылыдай, 2015: 31, Электр. ресурс).

Культура запасов

Одним из принципов социокультурного подхода является социокультурная чувствительность, которая позволяет оценить значение малозаметных деталей культуры. Например, стереотипным кажется следующее наблюдение Ч. К. Ламажаа: «Мы не привыкли делать запасы, так как всегда жили сегодняшним днем, и считаем остальные народы, умеющие делать накопления, — жадными...» (Ламажаа, 2011: 333). Б. А. Мышлявцев также констатирует: «Вообще склонность русских делать запасы многими тувинцами оценивается отрицательно. Такое качество, как запасливость, в тувинской культуре оценивается негативно...» (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс).

Но детальное рассмотрение хозяйственной культуры различных субэтнических групп тувинцев выявляет многообразные практики запасания добытых или произведенных продуктов (Тюркские народы ..., 2008: 76–95).

Так, на зиму путем сушки и заморозки, а также другими способами консервации создавались большие запасы молока, кумыса, мяса домашних и диких животных, костей, рыбы, дикорастущих растений (дикая редька, луковицы сараны и кандыка, корни живородной гречихи и дикого пиона), ягод черемухи. Примечательно, что корни живородной гречихи добывали,

раскапывая норки полевых мышей, где хранились сделанные ими запасы (там же: 95). Молочные продукты также использовались в виде сухих жирных пенек, масла (в т. ч. замороженного), сухого сыра. Летом мясо вялилось, а из рыбы делали рыбную муку. В хозяйствах западных тувинцев создавались запасы проса и ячменя.

Следовательно, этнографические данные не подтверждают распространенное мнение о том, что тувинцы не привыкли делать запасы. Действительно, сезонно обусловленная цикличность хозяйственной деятельности создавала определенные излишки продуктов, что позволяло поддерживать жизнеобеспечение на привычном уровне на всех фазах пищевого цикла. Вместе с тем, не все группы тувинцев имели эти излишки. Отмечается, что в традиционном тувинском обществе бедняцкие хозяйства не имели возможности делать достаточные запасы мяса и молочных продуктов (там же: 78). Кроме того, в силу особенностей хозяйственно-культурного типа охотники-оленоводы не замораживали мясо впрок, но создавали на зиму большие запасы дикорастущих растений (там же: 93). Исследователи указывают, что именно в охотничье-оленоводческой культуре тоджинцев осуждалась добыча зверя и рыбы сверх необходимого количества. И при этом подчеркивается, что из-за коммерческих интересов другие тувинцы в этом отношении мало отличаются от русских (там же: 195–196).

Таким образом, очевидно, что тувинцы умеют запасать впрок и накапливать необходимые продукты питания. Это означает, что они способны реализовывать долгосрочные экономические стратегии.

Жизнеобеспечивающая экономика

Важной составляющей социокультурного подхода является принцип социокультурной относительности, согласно которому развитие общества как ансамбля культур обеспечивается соотносящимися, противоположными и дополняющими ценностными ориентациями. Так, если экономическая культура Запада ориентирована на производство вещей, то на Востоке преобладает эволюционно более значимая ориентация на рост жизненного потенциала. Для тувинцев главное богатство заключается не в вещах, а в людях, прежде всего в детях.

Исследователями отмечается традиционное детолюбие тувинцев. Ребенок, пишет Ч. К. Ламажаа, в тувинских традициях «это любимый родной маленький человечек, средоточие надежд и чаяний для родителей: продолжатель рода, мерило семейного богатства, благополучия, залог счастливой старости для человека. Это одна из главных ценностей в тувинской культуре» (Ламажаа, 2015: Электр. ресурс). Не случайно тувинские обрядовые благопожелания часто

содержат пожелание иметь многочисленное потомство.

Положительно оценивая эту традицию, Ч. К. Ламажаа полагает, что важно отказаться от современной ориентации на человеческую жизнь как средство экономического развития. «Процветание должно основываться на обратной формуле: человеческая жизнь — цель, экономика — средство» — подчеркивает она (Ламажаа, 2011: 309).

Мы склонны акцентировать более сложный характер отношения: человек (и его жизнь) — экономика. Человеческую жизнь в целом вряд ли верно выносить за скобки экономики, поскольку последняя есть в конечном итоге цель и продукт комплексной системы экономической деятельности.

Говоря о богатстве как цели экономической деятельности, экономисты не всегда отдают себе отчет в том, что главным богатством является человек. Он не только носитель человеческого капитала, но и «благо длительного пользования». В обществе производство материальных благ есть прежде всего производство человека как высшего блага. Это основная цель жизнеобеспечивающей экономики как базового типа экономической системы, для которой традиционная, рыночная, командная и другие типы экономических систем выступают лишь средствами.

Напомним, что обширную программу приращения общей пользы государства на основе сохранения и размножения российского народа в свое время выдвинул М. В. Ломоносов. Великий русский мыслитель полагал, что в многочисленном трудоспособном населении заключено «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» (Ломоносов, 1956: 384). Поэтому умножение народонаселения составляет конечный результат экономической деятельности этноса, обеспечивающей его эволюционный успех.

В аспекте жизнеобеспечения тувинскую экономическую культуру следует признать достаточно успешной. С 2015 г. Тува лидирует в России по уровню рождаемости. За последние 100 лет численность тувинцев в Туве (в регионе исконного расселения) выросла более чем в 5 раз: с 48 тыс. чел. в 1918 году до 249 тыс. в 2010 году. Немногие народы в России добились за данный период такого успеха.

С учетом данного обстоятельства, следует признать справедливым мнение Ч. К. Ламажаа о том, что тувинская культура также является производительной (Ламажаа, 2011: 308). По ее оценке, в ней заложены ценности, которые не противоречат идеям процветания и улучшения благосостояния членов социума. Действительно, результаты различных опросов показывают, что старшее поколение и молодежь Тувы по-прежнему признает важность таких базовых ценностей, как семья, здоровье, материальный достаток, образование (Седен, 2017: 56; Татарова, 2016: Электронный ресурс). Это ценности жизне-

обеспечивающей экономики, безусловно важной для экономической культуры тувинцев.

Сакральная экономика

Ведущими экономическими отношениями жизнеобеспечивающей экономики признаются дележно-коммуналистические отношения — кормление и даче-дележ (Семенов, 2014: 224–306). Добываемый жизнеобеспечивающий продукт подлежит разделу (дележу), в том числе среди тех, кто не способен прокормить себя сам.

Такой порядок жизнеобеспечения существует и в традиционной экономической культуре тувинцев. Так, Б. А. Мышлявцев пишет: «Охотник не должен пользоваться тем, что посылает ему хозяин тайги, для личного обогащения, он должен поделиться добычей с другими. Того, кто не делится, могли наказать и люди, и духи-хозяева» (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс). Действительно, тувинцы делили добычу между всеми участниками охотничьей артели поровну, о чем свидетельствуют этнографы середины XX века (Потапов, 1969: 126). У скотоводов отмечался обычай наделять родственников и соседей мясом убойных животных и некоторыми молочными продуктами (там же: 183–192). Ч. К. Ламажаа указывает, что в хозяйственной народной этике порицается тот, кто не делится частью своего богатства с родственниками, с бедными (Ламажаа, 2011: 292). И она приводит известный тувинский принцип, записанный Е. К. Яковлевым: «Тебе оран (*Вселенная; земля и небо.* — Ч. Л.) дает, почему ты не даешь, сегодня тебе дал, завтра мне даст, тогда я поделюсь» (там же; курсив источника. — Ю. П., Е. Т.; см. также: Яковлев, 1900: 67).

По мнению Б. А. Мышлявцева, когда данный принцип не соблюдается, то тувинцы оценивают это как жадность и нарушение базового экономического порядка. Соответственно, изъятие избыточного имущества у обеспеченных людей, особенно у приезжих, в форме воровства или грабежа тувинцы могут воспринимать как справедливые действия по восстановлению нарушенного порядка и возвращению положенной им доли. Эта практика квалифицируется в традиционной правовой культуре не как преступление, а как правосудие и наказание от лица духов-хозяев местности (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс).

Покровительство духов-хозяев местности необходимо для успешной хозяйственной деятельности во всех архаических и традиционных культурах. Последние покровительствуют прежде всего местным жителям. Например, по сообщению информатора Б. А. Мышлявцева, Хозяйка Монгун-Тайги гневается, если приезжают и собирают много растений с целью обогащения не только русские, но и тувинцы из соседних районов (Мышлявцев, 2009: Электр. ресурс). Духов необходимо уважать, спрашивать разрешения для местопребывания

и ведения хозяйственной деятельности, кормить, одаривать и приносить жертвы. Так, в Каргалинском горнометаллургическом центре эпохи неолита существовали сакральные траншеи и штольни, жертвенные ямы и другие святилища (Каргалы ..., 2002: 56–81).

В Туве сохраняется архаическая традиция почитания священных гор. Хотя на священные горы тувинцы старались не ходить, тем не менее, было возможно посещение гор, на которых находились святилища (Тюркские народы..., 2008: 135). Как показывает история горного дела, в том числе в древней и средневековой Туве, вполне возможно заключение контракта с духами-хозяевами гор и безопасная добыча полезных ископаемых на основе сложившихся традиций (Ооржак, 2015: Электр. ресурс). Так, при добыче агальматолита тувинцы совершали следующий ритуал – у горы с целью умиловить духов священного места брызгали молоком во все четыре стороны света (Иргит, 2016: 74).

По-видимому, развитие горнопромышленного комплекса Тувы также должно сопровождаться мифоритуальным обеспечением. Такое обеспечение может существенно поднять сакральный статус данной отрасли хозяйственной деятельности, гарантировать не только ее легитимацию, но и духовное верховенство. Ведь хорошо известно, что в ряде племен традиционных культур Африки кузнецы были вождями. В Туве кузнецы также находились в почете, воспевались в эпосе и соперничали с шаманами (Вайнштейн, 1973: 81).

Традиция вариабельна и разнообразна. Бережное отношение к природе не исключает ее использования. Социокультурный подход позволяет не только выявить значимые различия в культуре, но и выделить ее субдоминантные типы. Он ориентирует на возможную и даже неизбежную инверсию, циклическую смену типов культуры и безусловное задействование архаических социокультурных ресурсов в модернизации.

В ремифологизации горнорудного дела можно опираться на традицию, согласно которой даже представитель светской власти не может оторвать кузнеца от работы, поскольку «кузнечное мастерство старше» (Отчет агронома ..., 2002: 187). Культ священных гор также может содействовать использованию архаических религиозно-мифологических ресурсов в легитимации промышленной модернизации Тувы в массовом сознании населения.

Экономика этнической идентичности

Единство социокультурной идентичности населения в настоящее время рассматривается как важный экономический ресурс (Akerlof, Kranton, 2010; Campbell, Hall, 2009). Общность идентичности не номинальна, а выражается в целостности социального тела как корпорации. Она гарантирует взаимное доверие и взаимопонимание, позволяет избегать дополнительных издержек

на контроль и обеспечение безопасности, формирует устойчивую мотивацию хозяйственной деятельности.

В жизнеобеспечивающей экономике общность этнической идентичности формировалась, как правило, при проведении родоплеменных праздников в совместном потреблении ритуальной пищи. Общность еды порождала родство по пище, единство тела и единогодушие, единую личность и единую идентичность сотрапезников, образующих коллективное «Я».

Неотъемлемым элементом ритуалов, объединяющих родоплеменные коллективы тувинцев, является участие в нем духов-хозяев местности. А поскольку именно духи-хозяева являются старшими, то они отвечают за младших и являются подателями благ. Тем самым они являются фактически главами родоплеменных кланов. Поэтому тувинец — «сын гор, дитя рек» (Ламажаа, 2011: 327), но следует подчеркнуть — что он сын разных гор и рек, которые являются прародителями. В рамках кланов решается проблема жизнеобеспечения как отдельных родов, так и родов, принадлежащих к одной территориальной общности, символизируемой и идентифицируемой соответствующими духами-хозяевами местности.

Как известно, клан – это патрилинейная родственная группа, решающая проблему коллективного выживания. Признаками клана как формы социально-экономической организации являются территориальная наследственная клановая собственность, внутриклановая экономическая взаимопомощь, самоидентификация его членов по происхождению от общего мифического первопродка, которым был бог или культурный герой. В условиях буржуазной или социалистической модернизации значение клановых связей не уменьшалось, а, наоборот, увеличивалось, как отмечают исследователи феномена клановости (см. обзор: Апрыщенко, 2006: 29–30).

Издержки клановости искупались, с одной стороны, достигаемой солидарностью и устойчивым развитием наиболее успешного в этносоциальном отборе родового организма коллектива, а с другой стороны, временной стабильностью межклановой ситуации в структуре этноса. В контексте сакральной экономики достигнутое каким-либо кланом верховенство следует интерпретировать не просто как несправедливую узурпацию привилегий, а как общественно признанное выражение объективного верховенства идентифицирующего его духа-хозяина, его протекции как более мощного покровителя и подателя благ по сравнению с другими духами-хозяевами.

Для снятия издержек клановости, на наш взгляд, недостаточно волевого, личностно и морального обусловленного расширения радиуса доверия, как полагает Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2011: 289). Все же следует исходить из того, что «просто так тувинские коллективные “Я” друг друга не возлюбят» (там же: 288). Исторический опыт показывает, что клановые системы трансформируются

вследствие объективных процессов разрастания и сегментации доминирующего клана, его застоя и загнивания на фоне ускоренного демографического роста соперничающих кланов, диверсификации экономики и формирования альтернативных «кормовых» площадок для других кланов. В пределах одного клана эффективна ротация кадров, оптимизирующая их использование и в то же время консолидирующая клан и укрепляющая его позиции. Привязанность кланов к определенным территориям и территориально обусловленные различия хозяйственно-культурных типов объективно формируют общую платформу для сотрудничества и формирования межклановых союзов. Такие союзы становятся экономической основой интеграции этноса тувинцев как социокультурного целого.

Социокультурная сложность экономической культуры тувинцев (вместо заключения)

Социокультурный подход выражается в ряде принципов, реализация которых раскрывает единство и противоречивое взаимодействие культур, одна из которых является господствующей стороной взаимодействия, а другая — подчиненной стороной. Согласно принципу социокультурного различия, общество как целое несводимо к одной культуре. Последняя всегда сосуществует с контркультурой и опирается на нее как на дополняющий способ адаптации и развития, который со временем может стать ведущим. Принцип социокультурной чувствительности требует обращать внимание на факты культуры, которым не придается значения в рамках сложившихся стереотипов. А эти стереотипы, как гласит принцип социокультурной относительности, абсолютизируют ценностные ориентации представителей конкретной культуры с ее горизонтом видения. Относительность культур определяет возможность социокультурной инверсии и предполагает циклическую смену типов культуры. Но эта смена происходит в рамках одного социокультурного целого и укрепляет его идентичность.

Горизонт социокультурного подхода дает возможность осуществить переоценку известных фактов, характеризующих экономическую культуру тувинцев. Констатация разнообразия хозяйственно-культурных типов и многоотраслевого характера традиционной тувинской культуры позволяет обратить внимание на реализацию потенциала тех ее форм, которые актуальны в современном мире. Учет социокультурной чувствительности помогает заметить практику образования запасов в рамках пищевых циклов. Повсеместность этой практики опровергает миф о неспособности тувинцев к долгосрочному планированию. Принцип социокультурной относительности смещает фокус внимания с инструментальных ценностей рыночной экономики

на эволюционно более перспективные и экономически оправданные ценности жизнеобеспечивающей экономики. Принцип социокультурной инверсии позволяет понять сохраняющие свое значение мифоритуальные механизмы сакральной экономики. Известный феномен клановости в свете принципа социокультурной идентичности выглядит как объективно существующий и относительно оптимальный социоэкономический институт, обеспечивающий этносоциальный отбор. Таким образом, стратегию и тактику развития экономической деятельности тувинцев важно разрабатывать с учетом ее социокультурной сложности и нелинейной динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апрыщенко, В. Ю. (2006) Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д: Изд-во Рост, ун-та. 320 с.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 160 с. [Электронный ресурс] // ИПЦ. URL: http://ipc-publisher.ru/monographs.aspx?id_mn=22 (дата обращения: 12.03.2018).

Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука. 314 с.

Вайнштейн, С. И. (1973) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 223 с.

Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М.: Наука. 296 с.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 02.02.2016).

Иргит, А. К. (2016) Этнопедагогика камнерезного искусства. Технологические приемы и способы художественной обработки агальматолита // Этнокультурное содержание образования. Материалы первых салчаковских этнопедагогических чтений / сост. Г. Д. Сундуй, А.-Ч. В. Куулар. Кызыл : ИПО «Билиг». С. 73–75.

История Тувы : в 2 т. (2001) / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.

Каргалы. Том II. Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология (2002) / сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М. : Языки славянской культуры. 184 с.

Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века М. : Изд-во МГУ. 214 с.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ. 320 с.

Кужугет, А. К. (2010) Художественные традиции тувинцев // Вестник Тывинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 14–22.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребенок в тувинской культуре [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/47> (дата обращения: 12.02.2018).

Ломоносов, М. В. (1956) О сохранении и размножении русского народа // Ломоносов М. В. Собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР. Т. 6. С. 381–404.

Мышлявцев, Б. А. (2009) Нормативная культура тувинцев (конец XX — начало XXI в.) [Электронный ресурс] // Samlib.ru. URL: http://samlib.ru/m/myshljawcew_boris_aleksandrowich/tuva-1.shtml (дата обращения: 02.05.2017).

Ооржак, В. О. (2015) Экологические особенности традиционных способов добычи чонар-даша [Электронный ресурс] / Региональная экономика: технологии, экология и инфраструктура / отв. ред. докт. экон. наук Г. Ф. Балакина. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. С. 272–279 // ИПЦ. [http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk\(pdf-postateino/2015_10_OorzhakVO_272-279.pdf](http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk(pdf-postateino/2015_10_OorzhakVO_272-279.pdf) (дата обращения: 02.05.2017).

Попков, Ю. В. (2016) Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: 10.03.2018).

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2012) Социокультурное движение в гуманитарном сообществе и социокультурный подход // Вестник НГУ. Сер.: Философия. Т. 10. Вып. 3. С. 58–63.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.

Седен, А. В. (2017) Проблемы трудовой социализации молодежи Республики Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 52–63.

Семенов, Ю. И. (2014) Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М. : URSS ; КРАСАНД. 717 с.

Татарова, С. П. (2016) Ценностные ориентации населения Республики Тыва (по материалам опроса жителей сел и городов) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/70> (дата обращения: 12.03.2018).

Отчет агронома Турчанинова А. А. за 1915–1916 гг. (2002) // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) / Подготовка текстов, предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 175–194.

Тюгашев, Е. А., Попков, Ю. В. (2017) Менталитет тувинцев в горизонте социокультурной феноменологии Питирима Сорокина [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/723> (дата обращения: 10.03.2018). DOI: 10.25178/nit.2017.3.1.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск.

Akerlof, G. A., Kranton, R. E. (2010) *Identity Economics: How our identities shape our work, wages, and well-being*, Princeton, New York : Princeton University Press. 185 p.

Campbell, J. L., Hall, J. A. (2009) National identity and the political economy of small states // *Review of International Political Economy*. 16: 4. P. 547–572. DOI: 10.1080/09692290802620378

Throsby, D. (2001) *Economics and Culture*. New York : Cambridge University Press. 208 p.

Дата поступления: 15.03.2018 г.

REFERENCES

Apryshchenko, V. Iu. (2006) *Klanovaia sistema Gornoj Shotlandii: traditsii i modernizatsiia [The clan system of the Scottish highlands: traditions and modernization]*. Rostov n/D: Rostov State University Publ. 320 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve*. Kyzyl: TuvIKOPR SO RAN. 160 s. [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p.]. IPTs [online] Available at: http://ipc-publisher.ru/monographs.aspx?id_mn=22 (access date: 12.03.2018). (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaia etnografiia tuvintsev: problemy kochevogo khoziaistva [The Historic Ethnography of Tuvans: Problems of a Nomadic Economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1973) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [History of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 223 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Vseobshchaia deklaratsiia IuNESKO o kul'turnom raznoobrazii [UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity]. *UNESCO* [online] Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (access date: 02.02.2016). (In Russ.).

Irgit, A. K. (2016) Etnopedagogika kamnereznogo iskusstva. Tekhnologicheskie priemy i sposoby khudozhestvennoi obrabotki agal'matolita [Ethnopedagogics of the art of stone-cutting. Techniques of artistic processing of agalmatolite]. In: *Etnokul'turnoe sodержanie obrazovaniia. Materialy pervykh salchakovskikh etnopedagogicheskikh chtenii [Ethno-cultural content of education. Proceedings of the 1st Salchak ethno-pedagogical readings]* / comp. by G. D. Sundui and A.-Ch. V. Kuular. Kyzyl, IPO «Bilig». Pp. 73–75. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] : in 2 vols. (2001) / ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kargaly. Tom II. Gornyi — poselenie epokhi pozdnei bronzy. Topografiia, litologiia, stratigrafiia. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniia. Otnositel'naia i absolutnaia khronologiia [Kargaly. Volume II. Mountain settlement of the late Bronze age. Topography, lithology, stratigraphy. Workshops, domestic and sacred buildings. Relative and absolute chronology] (2002) / comp., ed. by E. N. Chernykh. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 184 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1969) *Istoriia Tuvy v srednie veka [The History of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow, Izd-vo MGU. 214 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev: struktura i transformatsiia [Spiritual culture of Tuvans: structure and transformation]*. Kemerovo, KemGUKI. 320 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2010) Khudozhestvennyye traditsii tuvintsev [Artistic traditions of Tuvans]. *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 14–22. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdu proshlym i budushchim [Tuva between the past and the future]*. St. Petersburg, Aleteiia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok v tuvinskoi kul'ture [A child in the Tuvan culture]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/47> (access date: 12.02.2018). (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1956) O sokhraneni i razmnozhenii rossiiskogo naroda [On the preservation and reproduction of the Russian people]. In: Lomonosov M. V. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Moscow, AN SSSR Publ. Vol. 6. Pp. 381–404. (In Russ.).

Myshliavtsev, B. A. (2009) Normativnaia kul'tura tuvintsev (konets XX — nachalo XXI v.) [The normative culture of the Tuvans in late 20th and early 21st century]. *Samlib.ru* [online] Available at: http://samlib.ru/m/myshljawcew_boris_aleksandro-wich/tuva-1.shtml (access date: 02.05.2017). (In Russ.).

Oorzhak, V. O. (2015) Ekologicheskie osobennosti traditsionnykh sposobov dobychi chonar-dasha [Environmental features of the traditional methods of production of chonar-Dasha]. In: *Regional'naiia ekonomika: tekhnologii, ekologiia i infrastruktura [Regional economy: technologies, ecology and infrastructure]* / ed. by G. F. Balakina. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. Pp. 272–279. IPTs [online] Available at: [http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk\(pdf-postateino/2015_10_Oorzhak-VO_272-279.pdf](http://ipc-publisher.ru/Admin/files/collections/2015-konf-mk(pdf-postateino/2015_10_Oorzhak-VO_272-279.pdf) (access date: 02.05.2017). (In Russ.).

Popkov, Iu. V. (2016) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Ethnosocial processes in Siberia: topical issues of theory and practice]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (access date: 10.03.2018). (In Russ.).

Popkov, Iu. V. and Tiugashev, E. A. (2012) Sotsiokul'turnoe dvizhenie v gumanitar-nom soobshchestve i sotsiokul'turnyi podkhod [The sociocultural movement in the humanities' community and the sociocultural approach]. *Vestnik NGU, Issue Filo-sofiia*, vol. 10, no. 3, pp. 58–63. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the traditional life of Tuvans]*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The Process of National Consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Seden, A. V. (2017) Problemy trudovoi sotsializatsii molodezhi Respubliki Tyva [The problems of labour socialization of youth of the Republic of Tuva]. *Vestnik Tuvin-skogo gosuniversiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 52–63. (In Russ.).

Semenov, Iu. I. (2014) *Proiskhozhdenie i razvitie ekonomiki: ot pervobytnogo komunizma k obshchestvam s chastnoi sobstvennost'iu, klassami i gosudarstvom (drevne-vostochnomu, antichnomu i feodal'nomu) [Origin and development of the economy: from primitive communism to societies with private property, classes and the state (ancient Eastern, ancient and feudal)]*. Moscow, URSS; KRASAND. 717 p. (In Russ.).

Tatarova, S. P. (2016) Tsennostnye orientatsii naseleniia Respubliki Tyva (po materialam oprosa zhitelei sel i gorodov) [Value orientations of the population of the Republic of Tuva: A study of an opinion poll of urban and rural residents]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/70> (access date: 12.03.2018). (In Russ.).

Otchet agronoma Turchaninova A. A. za 1915–1916 gg. [Report of agronomist Turchaninov A. A. for 1915-1916] (2002). In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX – nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans through the*

eyes of foreigners: late 19th - early 20th century) / preparation of texts, preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 175–194. (In Russ.).

Tiugashev, E. A. and Popkov, Yu. V. (2017) Mentalitet tuvintsev v gorizonte sotsiokul'turnoi fenomenologii Pitirima Sorokina [Mindset of Tuvans in terms of Pitirim Sorokin's cultural phenomenology]. *The New Research of Tuva*, no. 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/723> (access date: 10.03.2018). DOI: 10.25178/nit.2017.3.1 (In Russ.).

Tiurkskie narody Vostochnoi Sibiri [The Turkic peoples of Eastern Siberia] (2008) / ed. by D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.).

Iakovlev, E. K. (1900) *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Iuzhnogo Eniseia i ob'iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeia [Ethnographic review of the foreign population of the southern Yenisei valley and explanatory catalogue of the ethnographic Department of the Museum]*. Minusinsk. (In Russ.).

Akerlof, G. A. and Kranton, R. E. (2010) *Identity Economics: How our identities shape our work, wages, and well-being*. Princeton, New York, Princeton University Press. 185 p.

Campbell, J. L. and Hall, J. A. (2009) National identity and the political economy of small states. *Review of International Political Economy*, 16: 4, pp. 547–572. DOI: 10.1080/09692290802620378

Throsby, D. (2001) *Economics and Culture*. New York, Cambridge University Press. 208 p.

Submission date: 15.03.2018.

Для цитирования:

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Экономическая культура тувинцев в горизонте социокультурного подхода [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/769> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.2

For citation:

Popkov Yu. V. and Tiugashev E. A. Economic culture of the Tuvans within the scope of the sociocultural approach. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 2 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/769> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.2.2